

Прямая линия с руководителем следственного управления Татьяной Сергеевой в газете "Молодой коммунар"

Чем пахнет «KENZO» и сколько украли на дорогах

22.05.2015

Автор: Ирина СКИБИНСКАЯ, Андрей ДРЕМИЗОВ

Фото: Кирилл РОМАНОВ

Что такое «беловоротничковая» преступность, растет ли в регионе количество убийств и что значит «без вести умерший»? На эти и многие другие вопросы туляков в ходе «прямой линии» «Молодого коммунара» ответила руководитель следственного управления Следственного комитета РФ по Тульской области генерал-майор юстиции Татьяна Андреевна Сергеева.

ВИП-подследственные

Ольга Ивановна:

— Хотелось бы узнать о громких делах: об уголовном деле в отношении бывшего депутата Тульской облдумы, бывшего профсоюзного лидера Игоря Каенкова, подозреваемого в мошенничестве, и о деле о растрате в особо крупном размере в отношении экс-мэра Александра Прокопука. На какой они стадии?

— По делу Каенкова ведется следствие. Следствие по делу Прокопука — на стадии завершения, в настоящее время обвиняемый начал знакомиться с материалами уголовного дела, после этого оно будет передано в суд, надеюсь, в июне.

— Не ощущаете ли вы какого-либо давления во время работы с ВИП-персонами? Как они ведут себя во время следствия?

— Нет, никакого давления не было. Что же касается «беловоротничковой» преступности, то с этими подследственными работать проще: люди грамотные, солидные, интеллигентные, ведут себя конструктивно.

Безусловно, подобного рода расследованиями занимаются очень опытные и квалифицированные следователи. Дело Прокопука, в частности, ведет подполковник юстиции, заместитель руководителя второго отдела по особо важным делам Владимир Владимирович Голев. У нас в следственном управлении два отдела: первый — общеуголовный, второй — коррупционной направленности.

Людмила:

— В последнее время стало меньше сообщений о коррупционных преступлениях в регионе. Коррупция снижается или высокопоставленных преступников стало сложнее изобличать?

— Уровень коррупции не снижается, но и не увеличивается. Много зависит от самих граждан. Если человек возмущен тем, что чиновник требует от него взятку, если он приходит к нам с заявлением, то бороться с коррупцией гораздо легче. А если молча терпеть беззаконие, то оно никуда не денется, и мы его никогда не искореним.

Игорь Александрович:

— Владимир Путин сказал, что «в каждой стадии строительства российских дорог лежит элемент коррупции или спекуляции». А как в нашем регионе?

— В том, что касается дорог, мы не самые «криминальные», но и не самые честные. Хотя дороги у нас стали гораздо лучше, чем раньше, и это приятно отметить.

В 2012 году у нас было в производстве уголовное дело по мошенничеству в дорожном строительстве в отношении Валерия Пошепчинского. Дело направлено в суд, который признал факт хищения. Больше громких дел не было. Кстати, у нас есть специальные органы, которые должны контролировать строительство дорог. Если в ходе осуществления этого контроля выявляются какие-то нарушения, материалы по ним направляются либо в УВД, либо к нам.

Надежда Александровна:

— Как вы считаете, министр обороны Сердюков мог не знать, что у него под носом делала осужденная сейчас Васильева?

— Все ее деяния свидетельствуют о том, что министр знал, что происходит,— просто процедура принятия и выполнения решения в министерстве это предусматривает.

Но допускаю, что мог и не знать. Об этом надо спросить у Сердюкова — в глаза ему заглянуть... Вопрос — не к нам, потому что дело находилось в производстве не у нас, а в центральном аппарате, и приговор уже прозвучал.

Елена Васильевна:

— На федеральном уровне, когда возбуждают громкое дело, нам иногда рассказывают о пикантных деталях: например, о 14 комнатах в квартире Васильевой или о бриллиантовой ручке за десятки миллионов сахалинского губернатора. Я обратила внимание на то, что в нашем регионе пресс-служба следственного управления информацию дает сжато, без подробностей. Кто принимает решение, что сообщать, а что нет?

— Если речь идет о громком преступлении, то решаю я лично. В частности, я категорически против обнародования подробностей сексуальных преступлений, тем более в отношении несовершеннолетних. Ведь у пострадавших впереди — целая жизнь. Такие преступления часто происходят в сельской местности, где все друг друга знают.

А коррупционные преступления или мошенничество... В этих случаях тоже не стоит подробно расписывать схему преступлений: кто-то на нашем сайте это прочтет просто из любопытства, а для кого-то эта информация может стать «пособием для начинающих».

Право на защиту есть у каждого

Ольга:

— Куда нужно звонить, если произошло серьезное преступление? Может, сразу в следственное управление — ведь вам его расследовать.

— В первую очередь звонить нужно в полицию. А потом уже — в зависимости от подследственности — полиция передает заявление в ту или иную структуру. Если это наша подследственность, то есть убийство, изнасилование, причинение тяжких телесных повреждений и т. д., мы подключаем своих следователей, и они выезжают на происшествие. Если это подследственность полицейских, то они ведут расследование сами.

Александр Суслов:

— Как обстоят дела с поиском пропавших без вести? Часто ли их находят? И что это за формулировка — «без вести умерший»?

— Пропавших без вести мы ищем, пока не найдем, и в основном находим. Через три дня после того, как человек пропал, мы подключаемся к его поиску вместе с полицией. Если найти

не удастся, через полгода он признается без вести пропавшим, а через три года — «без вести умершим». В отдельных случаях начинаем искать пропавшего не через три дня, а раньше. Например, если человек уехал на машине, и его нет ни в сводках о ДТП, ни в больнице. Существуют и другие «группы риска».

Вера Михайловна:

— В России задержанный имеет право на один телефонный звонок, как это показывают в голливудских фильмах?

— В России такого закона нет. Мало ли куда может позвонить преступник! Если звонок необходим, его может сделать следователь. При этом если мы за совершение преступления задержали человека, то по закону обязаны ему объяснить его право на защиту и обеспечить это право.

Екатерина Борисова:

— Увеличилось ли в Тульской области количество преступлений в отношении несовершеннолетних?

— Если говорить о тяжких и особо тяжких преступлениях, не считая сексуальных, уровень тот же: 70–80 в год. По сексуальным преступлениям тоже роста не наблюдаем.

Вообще надо отметить, что уровень преступности в нашем регионе последовательно снижается — на 7–8% в год. Лет десять назад в регионе регистрировалось около 400 убийств в год. В 2014 году — 116.

Анатолий Иванович:

— А преступлениями, совершенными сотрудниками МВД, тоже ваше управление занимается? За последнее время сразу несколько случаев: то полицейские задержанных избили, то подбросили наркотики и «раскрыли» — ради показателей...

— Да, это компетенция Следственного комитета. Информацию о случае в Узловой, когда сотрудник полиции якобы «раскрыл» кражу, нам передали из службы собственной безопасности УМВД, информацию по случаю с наркотиками в Белеве — УФСБ.

Таких сотрудников полиции сразу увольняют со службы. Мы ведем расследование. Конечно, статья не самая строгая — 286-я, превышение полномочий, но здесь, я считаю, главное, чтобы подобного рода правонарушения не оставались безнаказанными.

Как американцы туляков удивили

Андрей:

— Современные технологии помогают вам в раскрытии преступлений?

— Конечно. Вспоминаю, как когда-то у меня отобрали печатную машинку, поставили компьютер и сказали: работай. Что оставалось делать? Села и стала работать. Сейчас молодые следователи прекрасно ориентируются в современной технике.

С соцсетями тоже работаем. Например, так удалось раскрыть убийство пенсионерки, заказанное ее 15-летней внучкой. Девочка сидела в соцсети в тот день: ждала, когда бабушка уснет, чтобы впустить убийцу.

Часто нам приходится сталкиваться со страшными преступлениями. Не все выдерживают такую психологическую нагрузку. Даже если ты опытный профессионал, все равно не можешь не реагировать эмоционально. Кстати, из 76 наших сотрудников 12 следователей — женщины.

— А какие еще недавние дела произвели на вас особое впечатление?

— Сейчас в областном суде находится уголовное дело об убийстве двух женщин, совершенном в 2011 году в Нью-Йорке. Мужчина зарезал жену и падчерицу, на следующий день прилетел в Москву, а затем отправился в Новомосковск. Расследованием преступления, совершенного на территории другого государства, занимался Следственный комитет.

Материалы нам передали из США в 2013 году, наши следователи летали туда в командировку, работали с американскими коллегами. Это была очень непростая работа — еще и потому, что у нас и у американцев совершенно разные процессуальные схемы, способы расследования. Мы удивились, когда нам передали огромную стопку снимков — там следователи методично фотографируют на месте преступления все, каждую деталь. А вот отпечатки пальцев не снимают: для этого есть другие люди из иной структуры. А сотрудников американской полиции поразил наш протокол допроса на 8 страницах. В общем, изумлялись и мы, и они.

В нашей стране к процессуальной стороне очень жесткие требования, подтверждать надо каждый шаг, процедура доказывания сложная. Однажды в Генеральной прокуратуре РФ по инициативе Никиты Михалкова проводилось совещание по борьбе с контрафактной продукцией — с участием представителей других стран. Французский судья рассказал, как недавно рассматривал дело о контрафактной партии парфюма «Кензо». «Во флаконы такую гадость налили!» — возмутился француз. На наш вопрос, проводилась ли экспертиза, что именно за гадость налита, судья ответил отрицательно. Оказывается, для того чтобы доказать контрафакт, французскому правосудию достаточно отсутствия оправдательных документов о закупке партии у производителя. Мы в подобных случаях экспертизу проводить обязаны.

Наталья:

— Мечтаю стать следователем. Как можно устроиться к вам на службу?

— Прежде всего получить высшее юридическое образование. Прийти к нам, написать заявление, сдать ряд экзаменов, в том числе по уголовному праву, по уголовно-процессуальному праву, по криминалистике. Пройти специальную проверку, а потом стажировку. Подробно о том, как именно проводится проверка, говорить не буду. Скажу только об одном: если кто-то из ваших близких родственников имеет судимость — это отрицательный фактор.

Я вам рекомендую на 3-м или 4-м курсе поработать у нас помощником: вы к нам присмотритесь, мы к вам тоже — будет легче принять решение. Приходите — у нас в коллективе 70% следователей — молодежь...

Адрес страницы: <https://tula.sledcom.ru/folder/879378/item/980350>